

ВАЛЕРИЙ ЕРМОЛАЕВ

НЕВОЛЬНО

ВАЛЕРИЙ ЕРМОЛАЕВ * НЕВОЛЬНО

ЕКАТЕРИНБУРГ * ВЕСИ * 2009

ВАЛЕРИЙ ЕРМОЛАЕВ

НЕВОЛЬНО

СТИХИ И НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Е74

Е 74 Ермолаев В.Н.
Невольно: Стихи и поэма.
Екатеринбург: Веси, 2009,
96 с.

Новая книга уральского поэта, члена
Союза писателей Москвы, лауреата
премии «Венец» (2007).

ISBN 5-7385-0031-8

© Ермолаев В.Н. 2009.

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

ВЕШНЕЕ

По снежку по чистому, по честному,
по снежку черёмуховому,
захотелось пробежать мне, грешному,
подражая давнему, тому
ясному, дурашливому, вешнему,
с тающей снежинкой на губе -
самому себе, сердешному,
самому себе!

Когда туман раздвинет ноги
жеманно дремлющих деревьев,
и млечный баловень двурогий
покинет свой небесный хлев,
о, нас разбудит с девой милой
прекрасноликий сорванец,
взметнувший радуги стропило
на утра золотой венец,
и превратясь в селянку, дева
завяжет ночи пояса,
и тень греховную под древом
застенчиво смахнет роса...

Всё назови, попробуй, счастьем,
да только прозвучит смешно,
когда у девы на запястье
два шрама, лёгшие грешно,
и назови грехопаденьем,
но перед яблоком колен,
как перед вечностью и тленьем,
не всё ли тлен?

Все, что с небес на нас прольётся,
то не вмещается в слова,
всё, что никак не назовётся,
и не пытайся называть.

* * *

В берёзовой роще мы пили вино,
о чём-то, смеясь, говорили.
И падали речи на самое дно,
и в небе высоком парили.

И думать хотелось, что всё впереди,
что всё это только начало,
но грустно на север берёза глядит
и веткой над нами качает.

БЫЛО

А было...

лето било в бубен солнца жарко,
сверкая зеркалом, река едва текла,
и ей уже было совсем не жалко
от тел ныряющих разбитого стекла.

К воде!

Вял парус, крали прохладу трясогузки,
ныл щебень отмелей, и искрились
плоты...

К воде!

Сквозь зной, как сквозь космические
перегрузки,

все шли к воде...

И ты!

И ты...

вошла, раздвинув воду, зной и взгляды,
на берегу оставив с платьем детство и
меня,
и поплыла, словно рекой возвращённая
Наяда

вернулась в лоно матери и...

смертным неровня!

* * *

Вскочила на переднее сиденье:

- Вези, мне грустно, - сразу же на "ты".

А я ослеп на чудное мгновенье
от неожиданной порочной красоты.
Как в парке колесо остановилось
в момент, когда перехватило дух...

В каких краях гнездо сейчас ты свила?

Глупыш-птенец, ты в чьих руках
припух?

Ни слова, ни @ mail, ни телефона,
ни адреса, ни здравствуй, ни прощай!
Влетела снегирём из зимосклона
и выпорхнула в перелетный май.

Из тающих снежинок образ скомкан,
из крыльев, сожалений и стихов.
Девчонка, неваляшка, незнакомка,
ночей моих бессонных часослов.

Болит душа, в душе как после тризны...

Чего-то жаль в себе, и в ней, и в нас.

Кто первый раз наврал тебе о жизни?
Где ангел твой был в тот несчастный
час?

* * *

О, вспомним, скольких не коснулся
тлен
имён простушек - потому, что гений
вставлял опалы ветреных колен
в оправы золотых стихотворений.

Наряжу в красивую,
обниму как первую,
зная, что фальшивую,
зная, что неверную!

Да и где та, первая,
что была красивой?
Доживает стервою,
вспоминая сивого?

Потому и весело
отдаваться юному!
Заколдую песнею,
золотыми струнами,

уведу, запутаю
в вырубках березовых,
обниму распутную
под осиной розовой.

Не купил - не совестно,
поманил - ответила.

Пусть в осенней повести -
майская отметина!

как вдруг у шумного Пассажа
навстречу - Игорь Северянин...
Твоих волос туманя прядки,
он шепчет в ухо о нирване,
где "упоенье без оглядки",
он нежные кует оковы
и дарит слов ультрамарины,
он топит в грозах бирюзовых,
он хочет деву Валентину...
Как одинаковы поэты,
неповторимы лишь извивы,
сменило время лаңдолеты,
но не любовные мотивы.
И вот знакомая картина -
"03" он набирает снова:
- О, дева, муза, Валентина,
ответь мгновеньем бирюзовым!

* * *

Третий вечер меня любит,
толи вправду, толь спьяна,
ах, большая, да дурная
полногрудая луна.

А Она меня не любит...
Жаль - с луной не заодно...
Из-за этого страдаю,
как дурак гляжу в окно.

Вижу в нем: сосед - терёзвый!
Вот соседке лепота!
А соседский недопёсок...
на мои на ворота!

Я с обидою не выйду -
портить праздник у людей.
... Телефон молчит весь вечер,
ни друзей и ний.

Не пишу, не сочиняю -
словно вдруг лишился слов.

Не курю, не пью, не плачу,
не живу, в конце концов!

Ах, луна... Она далёко.
Ни чужая, ни своя...
Что она там отражает,
что, чего не вижу я?

* * *

Годы проходят - всё длится
долгий из юности зов:
видится, помнится, снится
давний армейский Борщёв.

Как на бессрочную службу
запись в военном - "сержант"...
Вспомнишь солдатскую дружбу -
сердцу тоски не сдержать.

Вспомнишь... Родная ракета,
песнями выбитый плац,
в письмах, прошедших полсвета,
с родины горстки тепла.

Белый передник полячки,
скрывшийся в зарослях туй,
девочки, навки, гордячки
юный святой поцелуй.

Фабрики ближней табачной
в воздухе терпкий настой.

Звон колокольный прозрачный
манит нас в древний костёл.

Дверь открывается туго.
С ксёндзом мы в храме втроём,
Молча, глядим друг на друга...
Каждый увидит своё.

Было прощание скоро.
Здравствуй, родительский дом!..
Что ж ты всё машешь мне, город,
ярким карпатским платком?

Давний, теперь зарубежный,
город армейских годов,
как там тебе в незалежной,
в сердце живущий Борщёв?

Падал лист, сжигая все мосты
с мокрой веткой, с летом, с белым
светом...

Мы смотрели, и сказала ты:
- Кажется, у жизни нет секретов.

Долгий дождь ноктюрн играл с листа
в полусне забывшемся лету...
Может, жизнь падением листа
что-то всё ж шепнула - по секрету?

* * *

Сквозь липовой рощи ноябрьский
дым
пришёл на поляну, где пел молодым,
где прячет отава стоговое без стога,
в котором когда-то девчонка-дотрога
встречала...

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ
ПОСВЯЩЕНИЯ

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ НАД ТАВДОЙ-РЕКОЙ

*Сибирь, как будто не Сибирь!
Давно знакомый мир лучистый...
...ещё бы церковь у реки, -
и было б всё по-вологодски.*

Николай Рубцов

*- Люба, мне не в чем идти выступать.
На стуле висит свитер соседа по комнате.
Говорю: вот, надень его свитер.*

- Что ты!?

Наконец, собрались, поехали, выступили.

Из воспоминаний Любви Вагановой

Мало чего стало жалко.
Жалко - тебя не встретил.
Сердце когда ёкнуло -
тебя уж Всевышний приветил...

А почему мне жалко,
того я не выскажу всуе.
Пожары по горизонту
тайные знаки рисуют.

С яра виднее пожары.
Горького неба привкус.

Тяжёлая водка не давит
лёгкой слезы искус.

Выцвел платок плёса
старой Тавды-речки.
С этого яра я начал,
как ты от Николиной печки.

Мой песенный яр убывает -
юность давно смыта,
и потому так дорог
ствол под обрывом замытый.

И круг любимых редееет,
некого радовать словом.
Раньше мне, дурню, казалось,
мол, заведём новых!

Новые только задушат
ласковыми руками
птицу, возвращённую в горенке
под низкими потолками.

Посидели бы, Коля, рядом...
Но здесь я один, коли,

хоть промычу через слёзы
о любви тавдинскому полю.

Пьяный ты тоже плакал.
Пьяные - лучшие слёзы.
Так на твоей Вологодчине
плачут хмельные стрекозы.

Я это сам увидел,
я обнимал твоё поле
над нелюдимой Сухоной,
шепча про Николу невольню.

В отчине был твоей я,
стоял у твоей могилы...
Всё не был помянут,
черноглазый мой, милый,

"маленький, худой, пьющий",
чужой надевавший свитер,
чтобы пойти с Любой
читать деревенские свитки.

Люба тебя вспоминает.
Тебя вспоминать любо,

как приводить невесту
в дом золотого сруба...

Всё ж хорошо не смыслить
ничегошеньки в жизни
на тёплом клочке мироздания,
занятом горькой Отчизной.

АЛЕКСАНДРУ БАЗАРОВУ

Так неожидан твой приезд,
мой жданный друг Сан Саныч!
Опять у нас возможность есть
наговориться за ночь!

Уж побеседуем "за жизнь"
под водку и пельмени!..
Под утро к нам зайдёт Рубцов,
к нам заглянёт Есенин,

перед рассветом Бёрнс войдет,
признается спросонок,
что тоже "лучшие деньки
провёл среди девчонок"!

И тост за дев ночной гулёж
паметит нотабеной.
Наутро в Нижнюю Тавду
мчит книжный корабейник.

Душа мужицкая болит
и ум интеллигента:

бегут заросшие поля
печальной кинолентой,

где оседающие в прах
порядки сёл знакомых -
даль нескончаемых примет
родного дурелома!

Везём мы "Хроники" тома,
наполненные болью...
Неблагодарен твой удел -
на раны сыпать солью.

В наш век Некрасова, боюсь,
напрасны упования,
навряд "с базара понесут"
Базарова изданья.

Молчим, мой друг... Ты приезжай,
хоть в качестве офени -
с тобой задиристо идут
под водочку пельмени!

* * *

Александр

Слободянюку

Мне баньку натопил Гаврилович,
дружище.
Напарились ладком - и за накрытый
стол.

Выслушиваю боль деревни
Городище
под стопку и скупой крестьянский
разносол.

- На днях увёз семью учитель наш,
историк,
последний в школе был мужик, да и
кого,
по правде говоря, учить придётся
скоро-
уж некому вот-вот рожать, и для
чего?

А тут сосед сгорел от спирта
городского,
шофёр хороший был, тянул троих
детей.

В деревне дела нет достойного,
мужского,
ему б "на севера", да годы уж не те...

Вот доживаем, кто ещё деревне верен.
Работы - никакой, хоть караул кричи!
Колхоз "Заветы Ленина" давно
похерен.
И фермы, и гараж пошли на кирпичи.

- Попробуй-ка грибков, - хозяйка
суетится, -
их нынче мы берём на брошенных
полях,
так лесом заросли, недолго
заблудиться,
когда бежишь домой с паёвкой
впотьмах...

Настали времена - Некрасов
"отдыхает".
И всё к тому идёт, что некого спросить
окажется в селе, (и некому), кто знает,
кому живётся весело, вольготно на
Руси?

- Как думаешь, спасёт село
нефтедобыча?
- Пойдём-ка, друг, во двор, покурим на
закат...

Не станем рассуждать о жизни
быстротечной,
что нас несёт с тобой, как щепки по
реке.

Памяти Дмитрия

Плашинова

Мрамор покоит усопшего вора,
венчает бандита гранит.
Крест деревянный в ногах стихотвора,
крест почерневший стоит.

Вот он - последний приют графомана.
Тебя помянуть постою...
Горсть возвышающего обмана
бросил ты в душу мою.

Если и в тех измерениях грустно -
вряд ли там этого нет -
вновь там поэтом вовеки и присно
станешь, поэт.

Ларисе

Последний раз я здесь, о море!
Твоей стихии я боюсь.
Твоей свободой упыюсь
себе на горе!

Зачем мне новая любовь?
Уже хватило мне любовий,
а к ним печальных послесловий -
из сердца вырванных стихов.

И вверх к Волошину стремясь -
видна уж скорбная маслина -
остановлюсь на середине,
на синий взгляд оборотюсь...

Блистая в мареве мечты,
как дева юная на ложе,
ты, море, манишь и тревожишь
слепою силой красоты,

ты ранишь волей под ребро,
пьянишь доступностью свободы,
и сводишь судорогой оды
пиита северного рот.

Здесь все с тобою заодно!
И мне глядишь не в спину - в душу!
О, я под этим взглядом трушу,
хоть восторгаюсь им равно!

Меня привел сюда Поэт,
что воспевал твою стихию.
Ему шепчу свои стихи я,
но стайку гривенных монет

не выпущу, спустившись, в море.
Нет, не вернусь уже сюда,
хоть гор упругая гряда
пленит любого априори,

и бирюзовую луку
мне малахит не раз напомнит...
И в зимний вечер том альбомный
навевает грустную строку -

пусть лукоморья пышный бюст
мне сохранит цветное фото,
а память - времени забота,
затихнет, как ракушек хруст...

Сойду за стрекозиным платьем
порхающей внизу жены,
и зной курортной пелены
разнимет синие объятья.

Сын, дочь и дочь!
У отца в душе - ночь.
А у вас, слава Богу, день.
Я молюсь о вас еже день!

Вырастайте ваши крыла!
Пусть любовь ваша будет смела!
И от хворей вас ангел храни!
Путь ваш, Господи, не возбрани!

Небес весомые резоны
мою персону не любить
я принимаю, так и быть...
Но на руки комочек сонный,

комочек жизни полновластный,
венец земного бытия,
волнуясь, принимаю я
как будто таинство причастья.

Сопит в плечо дочурка Варя,
её дыханье горячо.
Грешно ли папино плечо
ей невдомёк. И благодарен

я небу за земное счастье!
Держу с неловкостью отцов,
и прослезиться уж готов,
целуя детское запястье...

Не ждал, не жду у жизни сдачи.
Всё, что имею - сделал сам.

Живу с грехами пополам,
наверно, можно бы иначе,

но в оправдание осанной
сопенье дочери в плечо.
Оно как жизнь - горячо,
оно как счастье - несказанно.

* * *

Владимиру Титаренко

Свернём с шоссе привычно влево,
межою полторы версты,
и вот - поверженное древо
в обрыв, прибрежные кусты,

столетних сосен шум приветный,
реки чуть слышный переплеск,
и неумолчный, несусветный
пернатых скрипок арабеск.

Небесный распахнулся полог,
открылось солнышко анфас,
и долгий солнечный просёлок
разрезал облачный атлас.

Ветрами теплыми причёсан,
глядится в синь заречный край.
На светлом полотенце плёса
разломан яра каравай,

на нём сверкающей солонкой
стоит залитый светом храм -

как будто озорной челдонкой
хлеб-соль подносит лето нам.

Мы завтраком траву нарядим,
нам, право, есть что осушить,
и ощущаем - где-то рядом
место рождения души.

Мы говорим, поём и плачем,
и под гитарный перезвон
нас осеняет: жить иначе
уж завтра начинать резон!

И просим жизни Христа ради!
Нам жить не терпится спешить!
И зарождается в тетради
стихписание души.

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ
ПОСТСКРИПТУМ

Октябрь неожиданно ласков.
По-над бахромой облаков
сияют лазурною краской
полотна небесных платков.

Хвоею повеяло свежей,
травую, уснувшей в стогу...
Светило по-летнему нежит
берёзовый колок в логу.

И, солнечным ласкам внимая,
румянятся щёки берёз...
Почувствуешь, ствол обнимая,
ответную нежность берёст.

Лесов декабрьских фиолет,
полей заснеженных румянец,
светила сумеречный свет
наводит на сугробы глянец.

Морозом ковано кольцо
зиме наденет безучастно
декабрь, отвернув лицо...
И холодно его запястье.

Дизайны родины исправили не глаз,
а вектор эстетических воззрений,
практически поэтому я вас
пытаю простотой стихотворений.

Как будто на миг отворится
из прошлого тайная дверь...
В проёме - забытые лица,
чредой невозвратных потерь -
любви, что терял безоглядно,
и дружбы, что, жаль, не
сберёг.
Реестр долгов неоплатных
и горечь напрасных дорог...
Всплывают из памяти годы
как в озере утки - нырки;
те годы совсем не уроды,
так что же смотрины горьки?
Задумок немало исполнил
и, верится, даль впереди,
но что так по-новому больно
знакомой болячке в груди?

* * *

Мэтр, просмотрев мою рукопись,
 вымолвил,
хмурая вельможную бровь:
вера, надежда, любовь и поэзия -
избитые темы стихов.

Критик мой строгий, вежливо вынести
свой приговор не спеши:
вера, надежда, любовь и поэзия
всё ж состоянья души!

* * *

Души пережив катастрофы,
я в свой лазарет захожу -
не плачу, а белые строфы
бинтами на раны ложу.

Бинтую и с болью срываю,
и снова бинтую, пока
раненья души заживают,
пока заживают бока.

Так что ж, получается вроде
того, что стихи - как бинты,
лекарства? И, в некоем роде,
нужны, когда сердцу кранты?

О вечности поэту рассуждать?
Во-первых, для какого, скажем, чërта?
А во-вторых - не крайняя нужда.
И в-третьих нет причины, и
в-четвёртых...

Ну, взбрыкнул рифмой, ну насочинял -
надул пузырь из призрачного мира,
и что - уже на пьедестал?
Уже в руках божественная лира?

Вот если кто-то вздрогнул над строкой,
совсем не той, что лучшей тебе
мнилась,
скорей всего, вот если в чей покой
твоя судьба метафорой явилась

и разбудила, если сквозь года
чужая жизнь твоей строкой согрета -
то вечность приоткроется тогда,
единственная вечность для поэта.

Когда бывает сердцу больно,
приходит слово - крик души,
приходит, как слеза - невольно,
и просит слово: запиши!

Я с рифмы первой и глагольной
натужным словом не грешу:
придёт оно, как спазм, невольно,
как всхлип, как с неба - запишу!

* * *

Где острые лики вогульских вождей
укрыл чернозём городища,
брожу как отшельник вдаль от людей
и алчу духовной я пищи.

Но вижу вокруг, как угрюма тайга,
повсюду следы браконьера.
Тут памятник топчет слепая нога
столыпинскому пионеру.

Где потом и кровью поднял белорус
в урмане глухом десятину,
роится теперь расплодившийся гнус
над пашней, заросшей щетиной.

Притихла река, после доли сплавной
забывшись в глубоком наркозе,
бессильно течёт, омывая волной
утопленных брёвен занозы.

Разграблен невежами древний
курган...

На сердце осадок тяжёлый -

какой в нас вселился зловещий
шайтан,
какие к нам вторглись монголы?

Да что ж мы такое творим, почему?
В печали душа краеведа...
Вот так, твою ять, захотелось ему
духовную пищу отведать!

РАЗМЫШЛЕНИЕ НА ПРОГУЛКЕ

В охре взбалмошной речушки
отразился тёмный бор.
Не получится сегодня
с ним душевный разговор.

Не его вина, он - рядом,
не далёкая верста,
но туда не перебраться:
нет к нему теперь моста -

рухнул мост скотопрогонный.
Видно, некого гонять,
отказалась от скотинки
"нонешня" деревня-мать.

Жить без молока да мяса?
Животы б не подвело!
Почему, беда какая
навалилась на село?

Потому - Москва решила,
разговор о том идёт,

что Америка накормит,
и Китай не подведёт.

Ничего-то нам не страшно,
всё добудем за мазут!
Ну, а вдруг, да от границы
злые вороги придут?

Что ему с деревни нашей?
А наступит ратный день,
тут последнего Ивана
под ружьё, да под ремень!

Отобьемся, не впервые,
нам что в пекло, что в кабак.
Но назад не жди героя,
он Иван, да не дурак!

Не вернуть в деревню Ваню -
безработица кругом,
перспектив, короче, мало,
и жениться не на ком!

С девками-то что случилось,
их - как в том бору маслят?

Вдоль больших российских трактов,
раскорячившись, стоят.

Я к кому свои вопросы?
И ответ на них - не прост.
Не заладилась прогулка,
а всему виною - мост.

Как в деревне бабы пели:
"погуляли хорошо,
погуляли бы ещё,
да болит влагище"!

ПОСТСКРИПТУМ

Убежать, уехать, скрыться, да подальше
и верней,
да забиться в угол поля и наплакаться в
стерне,
на меже, в пожухлых травах, от тоски
осоловев,
полежать с бездарной жизнью головою
к голове,
не жалея и не каясь, не моля и не
прося,
отпустив устало душу на побывку в
небеса.

Тут энциклопедию открыл
на статьях про "гербы" и "гербарий" -
выпали кленовые листья...

Высохли в "гербарии" листья,
словно в "гербах" золотые перья.
И не вспомнил, как их положил...

Туринск, навечно декабрист,
суёт на память красный лист
мемориального покроя
на стекла "жигулей" героя.

Но град забудет наш герой,
едва тот скрылся за Турой,
забывшись думой путевой,
что делать надлежит герою.

Навстречу - тёмная страна.
По курсу пятится луна,
и вековой стороною
она повёрнута к герою.

Ни зги вокруг, ни огонька.
На миг мелькнёт внизу река.
Дрожит баранка под рукою,
служа уставшему герою.

Вот в Сарагулку поворот,
grimаса сна корёжит рот,

но фары встречной над горою
встряхнули вовремя героя.

Азанка - влево, там - Карьер,
и вот - готов как пионер
для встречи с городом Тавдою,
что стала родиной герою.

Читатель нервно хочет знать,
причём герой тут, так сказать?
Да просто хочется порою
куплеты посвятить герою!

ПО ПРОЧТЕНИИ КНИГИ

"КУСТАРНИК"

Но не было в детстве ни
сада, ни
монастыря..
Александр Кушнер.

В тот год, когда вступил я в пионеры,
шесть соток отвели нам землемеры -
родители решили строить дом.
Теперь я - в нём
живу, храня очаг, отцовское
наследство.
Отсюда заводской гудок позвал из
детства,
сюда ж вернулись все дороги, до
единой -
шесть соток стали отчины серединой.
И этим соткам, может быть, благодаря,
что не случилось "ни сада, ни
монастыря".

Полжизни эти сотки обживаю -
копаюсь в грядках, колочусь, меняю,
высаживаю, крашу и скребу,
да всё в трубу.

В век не тургеневский давно пора
понять

бы:

Тавда - не Спасское, шесть соток - не
усадыба.

Шесть соток на задворках ойкумены...

Полвека здесь пытался править гены,
себя, любимого, понять - се человек? -
пытался искренне в жестокий век.

Двадцатый век - что атлас трупных
пятен!

Пусть девятнадцатый - завиден, сердцу
внятен,
но всё, как правило, что в прошлое
зовёт -

то врёт.

Роман Тургенева уж выглядит
трофейным,
скамья Онегина - по-за шнуром
музейным

(присесть украдкой как-то довелось,
так не аукнулось и не отозвалось).

Да ещё вспомнить крепостных своих
дедов...

Что ж остаётся вне времён - любовь?

Любовь в провинции... Амуры,
шуры-

муры?

(вставляй, читатель, смело в рифму
"дуры"!),

сплошь адюльтеры, сплошь пиры
эротомана,

то бишь романы?

(Частушка б к месту про такие романы,
все рощи от которых переломаны!)
Романсы пой и пестуй мезальянсы,
кружи головки в ритме бальных танцев,
да всё не то, не то, не то, не то...
Прощай, прощай, дворянское гнездо!

... Вот ночь нежна и грусть светла, и
сотовый

мир окутывает и мои шесть соток.
Сестра далёкая михайловских аллей -
в окошке ель.

Плетётся оттепель под окнами
стучаться,

и сумрак начал в сурик превращаться,
а грусть знакомая - в осознанный зарок
(вот тут бы к месту оказался матерок):

коль Кушнеру ни сват, ни брат и не
напарник,
зачем же лазать по ночам в чужой
Кустарник!

* * *

Лето, лето, птицами распето!
Будь же, лето, и в моей строке.
Яр высокий, солнышком прогретый,
прислонился к медленной реке.

А под яром малое селенье
окунулось в доброе тепло.
Не одно счастливое мгновенье
тут, окрест, признаюсь, протекло!

Где ещё зареченские дали
и зазывней, и ещё синей?
Только жаль, деревне жить не дали,
некрасиво поступили с ней.

Против трудодней сыскали средство!
Ни женитьб теперь, ни проводин.
Зря слежалось в сундуке наследство -
припасённый бабкой габардин.

Песни сенокосного июля
не услышишь уж из-за реки...

Вон привстал с завалинки дедуля,
что увидит он из-под руки?

Внучка прилетит на выходные -
полдеревни, чисто, на ногах!
Прибегут родные, не родные:
"Нешто баско в ихних городах"?

... По-над яром солнышко зависло,
потемнела лебеда-трава.
Внучка уж воды на коромысле
в баню принесла, горят дрова...

Лучше нету деревенской бани,
ни с какой другою не сравнить!
Я б сейчас в парилку, так и тянет,
да кваску ядрёного испить!

... Вот бежит из баньки с передышкой
в травяной разлив, и иван-чай
городские белые лодыжки
ей целует, будто невзначай.

А потом уснёт на сеновале...
Мне в тех снах уже не побывать!

Вот взгрустнул, а это мне едва ли
помогает жить да поживать!

Словно шанег напекли для внучки -
прут в деревню шаньги - облака.
Эх, деревня, изб дублёных кучка,
слава Богу, ты ещё жива!

Мир тебе, хорошее селенье,
вечно стой с покоем визави,
сторожи заветные владенья,
уголки мечтаний и любви!

ПО ТАВДЕ-РЕКЕ

По рекам "ходят" говорят, а не
"плывут".

И мы идем себе неспешным ходом
суденышка с регистром пароходным,
что впрямь на честном слове на плаву.

По рекам "ходят" говорят, а не
"плывут".

И мы идем в верх, в леса Пелыма,
где жив шаман, последний,
нелюдимый,
что сторожит для Торума Тавду.

Бурлит река, подпёртая волной,
пыхтит по ней наш катеришко смелый,
для храбрости плотая то и дело
волны пивной накаты. И вольно

вплывать мне в раму нового пейзажа,
не расставаясь с прежним... Перекат
уносит мысли к давним берегам -
перебираю памяти поклажу,

где детский сон предутренней реки,
рыбачьих плёсов нежные туманы,
набитые подъясками куканы
и гордые уловом рыбаки...

Потом реки неловкий поворот
перевернёт блаженную страницу;
в береговую превратившись птицу,
устроит память грустный хоровод

уже иных, увя, воспоминаний.
Но тут уж ни при чём река,
тем паче, всполох грома в облаках
взывает к оде, как обряд шаманий.

Хотя, Тавда в стихе высокопарном
не хочет жить: она живет в себе.
И что я есть в её большой судьбе?!
Но стих упорно лезет благодарный

ее сплавной натруженной спине,
ее красе и статному величью
сибирской девицы, пусть с долею
мужичьей,
что, вроде бы, не по моей вине.

Однако сдавит грудь повинный
камень
за слов пустых, хвалебных мишуру,
за каждый пень на боровом яру,
за каждый плёс, убитый топляками...

Но хватит, что теперь перечисленье
в её судьбе всех ножевых насечек?
Течёт моя Тавда! Как время лечит
больную душу, так её течение

меня врачует, и уж я готов
забыться вновь на быстром
перекате...

Течёт Тавда с заката до заката,
течёт сквозь жизнь, сквозь сердце,
сквозь
любовь.

ЧЕТВЁРТАЯ ТЕТРАДЬ
МОЯ ТАВДА

МОЯ ТАВДА

неоконченная поэма

Памяти брата Николая

ЗАЧИН

1836

Барин в санях глянул из-под руки:

- Что за селенье, ямщик?

- Кошуки.

Вылез размяться. "Эк замело,
если б не церковь, проскочишь село.
Ладно, что возчик из местных вогул".

К тому обратился: - Скажи-ка, Конгул,
древнее место?

- Да кто б это знал...

Ермак Тимофеич пицалью прогнал,
сказывают, отсюда князца Ворляка.
Во-он там, где раздваивается река, -
махнул Конгул, - отсель не видать,
юрты есть, Чандыри, и им - исполать!

Говаривали старики, что атаман

грозный

захаживал и туда, да слушал сурьёзно
шайтанщика древнего долгое

моление...

Теперича приняли мы, барин,

крещение.

А сказывают ещё, что Ермак разведаль
хлеб-от первый на Тавде, и отведал!..

И доныне положен нам хлебный

оброк,

вместо ясака соболями, и впрок.

Из Пелыма в Курган под государевы

вериги

ехал государственный преступник

Бриген

Александр Фёдорович, герой

Бородина.

Перекрестился вслед волостной

старшина.

Тронули к Тюмени, в урманную выть...

Через столетие граду здесь быть!

1910

Почёсывал Рохлин лысины репу,
газету отложив... За окном - Сарапул.
"Задумали, однако, "железку"

всерьёз...

А что, если двинуть?.. Вот где вопрос!
Сквалыжит супруга, мол, рохля и баба.
Всё надо обдумать, высчитать надо б!
Вот выступил Менделеев. И в газете

тоже

пишут, что урманы там приготовлены к
делёжу.

Сыт сиднем не будешь, каждый день
промышляй...

Где наша не пропадала - махну в этот
май?!"

Забилась в купчике промышленная
жилка:

"подзанять, поднатужиться, купить
лесопилку,

да по рекам отправить, пока строят
дорогу...

От таких волнений наживёшь изжогу!"

К пристани Каратунка привёл
капитан
с баржей гружёной пароход "Стефан".
Выгрузили с баржи паровуху в сорок
сил,
да раму "Пирвиц" - в тесовый распил.
И заухала "машинка" филином по
плёсу,
себе на крышу разделала тёсу,
а там и первая партия отгружена шпал
для новой дороги... "Высчитал, не
прогадал,
а супруге в Сарапул отпишу: не рохля,
а сибирский промышленник теперь
Рохлин!"
Оправдалась на Тавде купецкая прыть.

Через четверть века здесь городу быть!

1918

Пропадай же всё, ёлки-опилки! -
побросали рохлины лесопилки.
Но недолго владели "машинками" и
Советы -

Колчак в Омске: "краснопузых - к
ответу!"

И деповских товарищей большевик
Цикарев

призывал: - Больше нам не пощипают!
Ну, пишишь в большевицкую партию,
встретим белую сволочь, мать её!..

Первым откликнулся слесарь Курков:

- Разбирай оружие без дураков!

С парохода подоспевшего, на
пристани,

матрос Хохряков сказал: - Выстоим!

Уходите, братишки, с нами пока.

Не бойсь, доберёмся и до Колчака!

С той поры спят, заснув навсегда,
возле станции новой Тавда

да по весям урманного края
небывалого жертвы раздрая.

Спят под гордыми монументами
только те, кто под красными лентами
заслужили свинца под сосок.

Белых скрыл безымянный песок.

В двадцать пять пал в бою Хохряков,
был расстрелян рабочий Курков,

сгинул Цикарев в тридцать седьмом
на гулаговском ветре сквозном...

1937

В этот год - по решению ВЦИК -
лесопильный мой город возник.

Из согнутых в дугу деревень
гнал сюда мужика трудодень.
Тех, кто врос в свой надел роковой
препроводит чекистский конвой.
Под партийные речи программные
задышали цеха многорамные
терпким духом сосновых боров.
Не чихай, городок, будь здоров!
Запевай под гудок комбината
гимн лесного пролетариата!

Но уже поднимал чёрный флаг
над Тавдою Востокураллаг:
соль народа "врагами" осливали,
среди леса бараков наставили,
оградили заводы заборами,
заложили ворота запорами,

часовых по вышкам расставили,
в общем, родину любить заставили!
Но о том - не сегодня рассказ...

Огласить судьбоносный указ
встал к трибуне товарищ Петров.
Не мастак исторических слов,
отобрал из словесной руды:
- Мы - граждане града Тавды!

САМА ПОЭМА

УЛИЦЫ

Город мой, ты с рожденья на корточках,
лагерей на висках твоих пыль.
Выдавали советы по карточкам
твоим улицам красную биль:

тут вам Ленина, Маркса и прочая,
вся когорта партийных вождей,
да ещё Заводская, Рабочая,
Пролетарская... Как у людей!

И одну, по соседству с заводщиком,
где в сосновых наколах пустырь,

освятил своим грёбаным прозвищем
сатанинский кремлевский упырь...

Тот пустырь топоры и пожарища
обошли - вырос бор высоко.
В нём под памятником со товарищи
спит геройский рабочий Курков.

Жаль, снесли там побеленный розово
летний клуб - без нужды и вины,
где судили убийцев Морозова,
пионера-героя страны.

Ныне многое в нашей разладице
разобрали мы до кирпича,
всё ж таблички на Павлика улице
город мой не сменил сгоряча.

Город строился, над глухоманями
поднимал в высоту этажи,
и кино обзавёлся, и банями,
в общем, всем, без чего не прожить.

По-рабочему, без суетливости,
к лесопильным заводам впритык

тополиные улицы вырастил,
по-над реками вывел мосты,

и с песками боролся, и с ливнями,
и асфальт на дорогах стелил.
От посадки деревьев не отлынивал
ни юнец, ни седой старожил -

и сирени, и яблони с клёнами,
заменив вековые боры,
стали ветрам и зною заслонами.
Потому каждый май с той поры

расцветают Сенная и Средняя,
весь в цветении мой городок,
словно в кипении белых передников
школьный зал на последний звонок!

Нет теперь уже улицы Сталина,
только помнит стальные шаги
город улиц, текущих в окраины
и впадающих в море тайги,
где все больше пеньки да
проплешины
с незажившими ранами зон...

Впрочем, ну его, Сталина, к лешему!
В честь не менее славных персон

много улиц ещё именовано -
хлеб свой ели в горькоме не зря,
и наверно с ЦК согласованы
Мира и 40 лет Октября.

И Чекистов есть, и Комсомольская,
и приводит в тупик Красный Путь!
Впрочем, хватит об этом, поскольку я
не уверен, что хоть где-нибудь

по-иному давались названия
на просторах державы моей,
да и впору мне в повествовании
всё ж об улице вспомнить своей.

МОЯ УЛИЦА

Вырос город - родимое пятнышко
на дубленом загривке страны,
рос и я вместе с ним, а не рядышком,
после страшной народной войны.

На родимой, на Энгельса улице -
до сих пор мне по ней по пути! -
двухэтажки военные хмурятся...
Беспечально мне тут не пройти,

Вот стоит среди других
долгожителей
дом под номером двадцать один.
Это в нём положили родители
моей жизни счастливый зачин.

Моей улицей - как это помнится! -
сердцем вмиг завладев пацана,
шла с уроков красивая школьница
Маша-Машенька Шабалина!

Дощаными её тротуарами,
не страшась, босоного, заноз,
со шпаной, как с монголо-татарами,
мы сходились и дрались без слёз.

Много вольного, дерзкого помнится
в круговерти мальчишеских дней,
но отцами дарёная вольница
закаляла покрепче ремней.

И горжусь: своей жизни преддверие
я прошёл без ремня и преград -
охранило отцово доверие,
мамин строгий взыскующий взгляд.

И от тёмных соблазнов спасением,
удержавшим сорвиголову,
стала книга! Запойному чтению
посвящу, может быть, я главу.

ФАНЕРКА

Эх, Фанерка, шпанистая, грозная
для соседей своих городских,
школа жизни крутая, серьёзная,
принимай благодарный мой стих!

Тут и ясли мои, и детсадики,
и пенаты, и школа, и храм...
Проходил я здесь жизни грамматику
с голодухою напополам.

Мира, Либкнехта, Фрунзе, Суворова...
Сколько рядом таких же пенат
согревал своей лаской суровой
и деньгой своей фанкомбинат.

По гудку заводскому, похмельному,
поднимались на смену отцы
заводить за зарплатишку сдельную
пятилеток крутые квасцы.

Пролетят "над Парижем фанерою"
трудодни золотых работяг!..

На хранение, правда, фанерному
комбинату оставили стяг

за войну - от товарища Сталина,
за предел натяжения жил,
да за то, что не счесть по окраинам
номерных позабытых могил,

где не по гороскопу астральному -
подружились в натуре навек
по закону интернациональному
русский, грек, белорус и узбек,

и калмык, друг степей, да не севера,
и чеченец, влюблённый в Кавказ...
Вспоминаю я ссыльного Цейслера,
его горький о немцах рассказ.

Не газетную правду советскую,
впрочем, знал даже самый малец...
На Фанерке карьере протекцию
сделать рано помог мне отец.

"Трудовая его биография
начиналась с пятнадцати лет..."

Эта фраза не из эпитафии,
не оскомина прошлых газет -

так о многих мальчишках уверенно
можно было сказать в те года.
В проходной начиналась фанерного
на всю жизнь трудовая страда:

там меня серой робой поздравили,
и в цеху, где у бати "рука",
в комсомольскую смену отправили,
с бригадиром из бывших "зека".

Как зарплату принёс свою первую
и заплакавшей маме вручил!..
Те рубли трудовые, я верую, -
в мою жизнь входные ключи!..
.....

ОТСТУПЛЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой мой читатель! Нстойчиво,
по стеченью каких-то причин,
пробираясь в моих многоточиях,
ты осилил поэмы зачин

и сумбурное повествование,
что, надеюсь, нетрудно далось;
и неважно, прочёл по желанию
или ж просто тебе не спалось -

не суди с высоты эстетической
то, что скромно исторг из груди,
что моей робкой музе лирической
было в силах сказать. Не суди

за дыхание рифмы неровное,
за сюжет в неискусной руке,
за душевное, личное, кровное,
что пульсирует в каждой строке.

Я на это, признаюсь, рассчитывал,
ведь, не пыжась сказать "навсегда",
я пытался лишь с матрицы считывать
сокровенного слова Тавда

только то, что не кануло в замети,
что вошло в мою душу и плоть,
что успелось в гербарии памяти
мне булавкой судьбы приколоть.

ПЕРВАЯ КОДА

Может быть, ещё рано итожить мне,
расставляя запятые судьбы,
разбираться и каяться в прожитом,
на разлёте житейской гоньбы?

Ведь ещё на поклон отвечает мне
город мой, а подчас - и страна,
ещё край мой в заботах и чаяньях,
и в трудах мой родной комбинат.

Ещё дети немало порадуют,
и нельзя исключать, что - жена.
Ну и вдруг, да в пору листопадную
золотые плоды пожинать?

Ещё тайны живут в каждой улице,
каждый тополь мне шепчет о них,
здесь бродить мне ещё и сутулиться,
бормоча доморощенный стих.

Ещё враки кукушки доносятся
в мои окна по тихой Лазо,

ещё белые кофточки носятся,
ещё рюмки полно на глазах.

Ещё в мае выходят подснежники
на откосы в заречном бору,
ещё хватит сухого валежника
жечь костры на заветном яру,

где немало мне далью подсказано
не заёмных, единственных слов...
Ещё верю - пути не заказаны
выводить на поляны любовь.

Ещё баньку протопит по-белому,
от души, друг Гаврилыч не раз,
и подаст мне, с парка обалделому,
деревенский задиристый квас.

Ещё много подошв не притачано
к большакам до раздумчивых сёл,
дорогое не всё потрачено,
золотое намыто не всё...

И душа не позволит покинуть мне
этот край, этот град, этот дом

под рябиной отцовою, раскинутой
за открытым на север окном,

и дорогу - слезу неумолчную,
по которой несли мою мать,
и которой меня, зная, на очную
ставку с вечностью отправлять...

ВТОРАЯ КОДА

Город мой, если слово заветное
не сумел досказать в этот раз -
за окном щебетанье рассветное
довершит мой лирический сказ.

Пусть твой день наполняется токами
животворных лесов и озёр.
И дай Бог, чтобы этими строками
не закончился наш разговор,

и любви к тебе строфы признания
не ушли в безымянный песок...
Дли, мой город, дли наши свидания,
чтоб любить до конца тебя мог!

СОДЕРЖАНИЕ

Первая тетрадь. Вешнее

«По снежку по первому, по честному...»	6
«Когда туман раздвинет ноги...»	7
«В березовой роще мы пили вино...»	9
БЫЛО	11
«Вскочила на переднее сиденье...»	13
«О, вспомним, скольких не коснулся тлен...»	14
«Наряжу в красивую...»	16
«И как лягушка ты жила...»	17
ПОДРАЖАНИЕ	19
«Третий вечер меня любит...»	21
«Годы проходят - все длится...»	23
«Падал лист, сжигая все мосты...»	24
«Сквозь липовой рощи ноябрьский дым...»	

Вторая тетрадь. Посвящения

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ НА Д. ТАВДОЙ-РЕКОЙ	26
АЛЕКСАНДРУ БАЗАРОВУ	30
«Мне баньку натопил Гаврилович...»	32
ЮБИЛЕЮ ТАВДЫ	35
«Мрамор покоит усопшего вора...»	36
МОРЕ В КОКТЕБЕЛЕ	37
«Сын, дочь и дочь!...»	40
ДОЧЕНЬКЕ ВАРЕ	41
«Свернем с шоссе привычно влево...»	43

Третья тетрадь. Постскрипtum

«Октябрь неожиданно ласков...»	46
«Лесов декабрьских фиолет...»	47
ОТВЕТ	48
«Как будто на миг откроется...»	49
«Мэтр, посмотрев мою рукопись...»	50
«Души пережив катастрофы...»	51
«О вечности поэту рассуждать?...»	52
НЕВОЛЬНО	53
«Где острые лики вогульских вождей...»	54
РАЗМЫШЛЕНИЕ НА ПРОГУЛКЕ	56
ПОСТСКРИПТУМ	59
«Тут энциклопедию открыл...»	60
НОЧНАЯ ДОРОГА ТУРИНСК-ТАВДА	61
ПО ПРОЧТЕНИЮ КНИГИ «КУСТАРНИК»	63
«Лето, лето, птицами распето!...»	67
ПО ТАВДЕ-РЕКЕ	70

Четвертая тетрадь. Моя Тавда

МОЯ ТАВДА. Поэма	74
Содержание	94

Литературно-художественное издание

Ермолаев Валерий Николаевич

НЕВОЛЬНО

Стихи и неоконченная поэма

Редакция, верстка и оформление автора

Тираж 300

Отпечатано в Издательском доме
«Печатный вал»

623851, г. Ирбит, ул. Горького, 2Б,
тел/факс: +7 (34355) 3-87-24, 3-87-38